

основании, что по Ипатьевской летописи затмение произошло до встречи Игоря с Всеволодом в походе, а при перестановке выходит якобы так, что оно случилось после встречи братьев. В статье 1950 года я попытался объяснить, как нужно понимать обращение Всеволода к Игорю, предшествующее — при перестановке — рассказу о солнечном затмении. Я высказал предположение, что это обращение могло быть сделано перед самым походом, во время встречи братьев в Новгороде Северском, о чем идет речь в Ипатьевской летописи, или в Переяславле Южном, о чем говорится в Лаврентьевской летописи. Могло быть и так, что обращение Всеволода к Игорю сделано было не лично Всеволодом, а через какого-либо посредника. С этим предположением согласен и В. И. Стеллецкий. Но, независимо от всех этих догадок, и текст Ипатьевской летописи бесспорно свидетельствует о том, что затмение произошло не перед выступлением Игоря в поход, а тогда, когда Игорь уже далеко углубился в степь. В Ипатьевской летописи читаем: «Идущим же им к Донцю реки, в год вечерний, Игорь же, возрев на небо, и виде солнце стояще яко месяц».

В. И. Стеллецкий, однако, в своем сопротивлении перестановке в «Слове», как и в других спорных случаях, апеллирует к абстрактным соображениям о специфичности «Слова» как художественного произведения, которая якобы не допускает согласия с естественной логикой фактов, излагаемых в документальном историческом повествовании. Он пишет: «Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения». С этой точки зрения, т. е. с точки зрения «логики художественного произведения», В. И. Стеллецкий, между прочим, не видит ничего необычного в том, что сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать их.

Так же рассуждает В. И. Стеллецкий и относительно отмеченной мной неувязки с эпизодом солнечного затмения. Вслед за С. К. Шамбинаго, считавшим, что все начало «Слова» до описания всеволодовых воинов является только вступлением к основной части «Слова», В. И. Стеллецкий полагает, что в «Слове», как оно читается в мусин-пушкинской рукописи, не солнечное затмение происходит дважды, а автор дважды упоминает о нем, как полагал и Шамбинаго. Но, не говоря уже о том, что нет оснований все начало «Слова» вплоть до характеристики Всеволодом своих курян считать сплошь вступлением к «Слову», особенно если оставить на прежнем месте абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...», — мусин-пушкинская рукопись «Слова» ясно отмечает два затмения: первое — перед отправлением Игоря в поход и второе — через некоторое время после этого, когда «Игорь ждеть мила брата Всеволода», т. е. тогда, когда Игорь уже углубился в степь. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что по мусин-пушкинской рукописи не дважды происходит затмение, а только автор о нем дважды говорит. Кстати, у самого С. К. Шамбинаго вызывает недоумение фраза «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты», неожиданно, по его мнению, следующая после авторского обещания начать свою повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря. Если же принять перестановку, то эта фраза с недоуменным началом ее со слова «тогда» окажется гораздо более на месте, чем при отсутствии перестановки: Игорь ждет Всеволода, и тогда, т. е. во время ожидания, он увидел солнечное затмение.